

ВНЕСВИДСКІЯ

ГУБЕРНСКІЯ ВЪДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ГЛАСНОСТЬ.

Ст. Лева Митрополскаго.

ГЛАСНОСТЬ.

(окончаніе)

Права двигателя гласности въ отношеніи лицъ должны быть неограниченны: высокое ли по положенію, занимаемому въ обществѣ, лицо, низкое ли, — для него должны быть одинаково ответственны за свои дѣйствія. Добрыя качества и дѣйствія лицъ, занимающихъ высшія мѣста въ государственномъ устройствѣ, должны быть известны всамъ и каждому потому, что они служатъ украшеніемъ тому мѣсту и назидательнымъ примѣромъ для другихъ, особенно для низшихъ, а известность ихъ составляетъ справедливую оцѣнку, некотораго рода возмездіе и вмѣстѣ съ тѣмъ поощреніе къ дальнѣйшему, если не преуспѣянію, по крайней мѣрѣ пребыванію въ томъ же достойномъ мѣстѣ состояніи; худыя качества и дѣйствія ихъ должны быть также известны потому, что они унижаютъ высоту мѣста и служатъ срамомъ для другихъ, а известность ихъ замѣняетъ собой справедливое взысканіе и способствуетъ къ невольному испра-

вленію. Само собою разумѣется, что было бы въ высшей степени несправедливо обвинять зло, допущенное достойнѣйшимъ человекомъ по ошибкѣ, или недоразумѣнію, или по излишней доверчивости къ другимъ, — зло, давно уже осужденное его собственной совѣстію и заглаженное, тѣмъ болѣе, если послѣдствія этого зла пресѣчены мѣрами благоумія. Въ этомъ случаѣ должно принять за правило русскую пословицу: и въ солнцѣ есть пятна. Равно несправедливо было бы пустить въ общую известность такое доброе дѣло человека недостойнаго, которое совершено имъ болѣе или менѣе случайно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Гласность должна выставлять характеристическія черты лицъ, а не случайности, чтобъ не ввести въ заблужденіе общественнаго мнѣнія и не способствовать къ составленію ложнаго о людяхъ понятія. Съ другой стороны гласность не должна забывать и меньшихъ въ государственномъ организмѣ членовъ; ея дѣвизъ: „добро и зло въ явленіяхъ“ обя-

зываетъ смотреть на всякое лицо съ одинаковымъ вниманіемъ. Хорошія дѣйствія въ этихъ лицахъ гласностію будутъ подерживаться, худыя искореняться. На послѣднюю сторону гласность должна обращать тамъ болѣе вниманія, что болѣшая часть изъ нихъ происходитъ отъ неразвитости понятій, отъ предрассудковъ, ложныхъ убѣжденій; гласность въ этомъ отношеніи будетъ для нихъ поучительна, назидательна, и заманитъ собой лучшую прагматическую школу. Кто не знаетъ на пр. ложнаго въ нашемъ купечества правила: „наше дѣло купеческое“, которымъ оправдываетъ оно вся свои дѣйствія по торголу? этимъ правиломъ, при всей неопределенности и неясности смысла, очень ясно извиняются всякаго рода обманы, спекуляціи, монополіи, возвышеніе цѣнъ, хладнокровный отказъ въ помощи крайнимъ нуждамъ ближняго, равнодушіе къ челолюбивымъ и богоугоднымъ учрежденіямъ. Кто не знаетъ другаго, столь же ложнаго правила, болѣею части чиновниковъ: „жалованье скудно, — нечѣмъ жить“, во имя котораго дозволяется пріобрѣтеніе иными путями? Кто не слышалъ столь же ложнаго правила въ свѣтѣ: „въ мірѣ жить мірское и творить“, на основаніи коего равнодушно попираются уставы Православной вѣры и церкви? — И мало ли другихъ подобныхъ правилъ, даже сословныхъ — въ дворянствѣ, духовенствѣ? . . . Гласность непременно должна показать въ частныхъ дѣйствіяхъ, истекающихъ изъ этихъ фальшивыхъ правилъ, несовместность ихъ съ честію, съ значеніемъ человека, гражданина, Христіанина. — Что касается до самыхъ фактовъ, то

въ области гласности должны входить только тѣ изъ нихъ, которые или по существу своему, или по послѣдствіямъ имѣютъ вліяніе на общество, оказывая ему или пользу или вредъ. Какая кому надобность знать, какъ я веду домашнюю жизнь? — Хожу ли съ утра до вечера по комнатамъ, или постоянно лежу, — ахъ шуртуй ли сѣмю дома, или халата, — пью ли чай, или довольствуюсь водой, — Аннушкой ли зову жену, или душкой; ни пользы, ни вреда не приношу я обществу домашнимъ образомъ моей жизни; нѣтъ и дѣла до этого гласности; домашняя, супружеская, семейная жизнь не должна быть предметомъ гласности, пока она остается въ своихъ границахъ, отдаляющихъ ее отъ жизни общественной; пусть бельетристика и поэзія черпаютъ изъ нея свои вдохновенія. — Наконецъ двигателю гласности безусловно принадлежитъ право публичности, разумая подъ этимъ право подписывать подъ статьями свое имя и фамилію, или по крайней мѣрѣ фамилію. Онъ, какъ глашатай истины, не долженъ краснѣть за свое произведеніе, ни укрываться подъ вымышленнымъ псевдонимомъ. Но правила благоразумія требуютъ въ этомъ отношеніи нѣкотораго ограниченія. Въ общественной жизни есть лица высшія его, равныя съ нимъ и низшія, есть порядокъ подчиненности въ служебной сферѣ; есть наконецъ общественныя отношенія знакомства, участія въ одномъ дѣлѣ и т. п. Въ статьяхъ, изображающихъ похвальные дѣйствія лицъ высшихъ, начальниковъ, близкихъ знакомыхъ, компаніоновъ по дѣлу, вообще лицъ, отъ которыхъ въ болѣею или меньшей степени зависитъ писателю,

теперь, — приличнее ему скрыть свое имя и фамилію, чтобы не показать себя льстецомъ, искателемъ милости, соучастникомъ, кумомъ или сватомъ въ литературномъ смыслѣ; пусть факты отвечаютъ сами за себя: въ статьяхъ обличительныхъ, касающихся лицъ того же разряда, самое благоразуміе обязываетъ писателя утаить свое имя, чтобы не возбудить гнева, преслѣдованія, мести, — чтобы не утратить общественныхъ отношеній въ лицамъ описываемымъ. Имѣя въ виду исправленіе, а не оскорбленіе посредствомъ гласности, онъ долженъ дорожить общественными отношеніями; можно оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ знакомства къ извѣстному лицу и внутренно сожалѣть о его нравственномъ паденіи, а изъ сожалѣнія принимать нравственные мѣры къ исправленію посредствомъ гласности, скрывая свое имя. По этому настоятельное требованіе многихъ гг. помѣстившихъ въ равныхъ NN: Енисейскихъ губернскихъ ведомостей жаркія апологіи за нѣкоторыхъ личностей, — требованіе непременно подписи автора подъ статьями обличительными, намъ кажется несправедливымъ и неискреннимъ. Въ борьбѣ противъ враговъ общественныхъ, какъ и государственныхъ, благородный воинъ не обязанъ безъ нужды жертвовать собой, — не обязанъ выступать въ открытой бой, если знаетъ, что противная сторона превосходитъ его и силою и хитростію; никто не поставляетъ ему въ вину, если онъ выбираетъ удобную позицію и, прибываясь самъ отъ ударовъ, поражаетъ врага за врагомъ. Самый выборъ оружія зависитъ отъ его благоразумія: доселѣ не было примѣра,

чтобы кто нибудь обвинилъ молодаго пастуха за то, что онъ употребилъ не мечъ, а камень на пораженіе Голяфа. Здѣсь любимая фраза апологетовъ: „бросить изъ за угла камнемъ“, которую они думаютъ обратить въ упорицу анонимовъ и псевдонимовъ, имѣетъ напротивъ законное и одобрительное приложеніе. Только при личныхъ оскорбленіяхъ непростительно прятаться за уголокъ и оттуда метать камнями: тамъ требуется бой открытый. — Конечно, дружескія отношенія могутъ обойтись и безъ гласности: тутъ достаточно теплаго участія, убѣжденія, просьбы, даже мольбы, для того, чтобы достигнуть исправленія; искренній другъ никогда не откажетъ другу въ этомъ удовольствіи. Понятно также, что лица болѣе или мене независимыя въ общественной жизни ни чѣмъ не рисуютъ, подписывая подъ статьями свою фамилію; прочія же лица могутъ безбоязненно подписываться подъ такими лишь статьями, которыя обличаютъ лицъ равныхъ съ ними, или ниже ихъ стоящихъ въ общественномъ значеніи.

При этой широтѣ правъ, принадлежащихъ двигателю гласности, высоки должны быть и обязанности, возлагаемыя на него общественнымъ довѣріемъ. Существенный и прямой долгъ историка писать истину лежитъ и на двигателѣ гласности: умысленная ложь, едва только открыта, лишитъ его права гражданства въ области общественнаго довѣрія, вымыслы фантазіи увлекутъ его отъ дѣйствительности въ мірѣ поэзіи; отъ него требуется чистая истина. Но истина не всякому доступна и достается не безъ труда. Она обязываетъ

писателя: стать въ ближайшее отношеніе къ предмету, чтобы ясно его видать, и имать достаточно изощренное зрѣніе, чтобы видать такъ, какъ что длается, — равно какъ владѣть и рукой и кистью, чтобы вѣрно изобразить предметъ, не примѣшивая къ нему ничего личнаго; словомъ двигатель гласности долженъ имать такія качества, чтобы и могъ и хотѣлъ сказать истину. По этому двойному требованію онъ обязанъ: или быть очевидцемъ изображаемаго событія, или слышать отъ очевидцевъ, строго различая въ нихъ и добросовѣстность и благонамѣренность и безпристрастіе; обязанъ сличить разныя показанія, повѣрить одно другимъ и всякое непримиримое противорѣчіе отвергнуть, какъ ложь; обязанъ имать достаточно развитый умъ, чтобы умать понять истину и выразить ее въ настоящемъ видѣ; но-что всего важнѣе—обязанъ подавить въ себя всѣ личныя чувства и страсти къ известному лицу, чтобы изобразить его *sine ira et studio* т. е. безъ гнѣва и безъ пристрастія. Измѣнникъ, поправшій святыню этихъ обязанностей, справедливо наказывается общественнымъ недоверіемъ, какъ дерзкій лжець,—общественнымъ презрѣніемъ, какъ наглый клеветникъ, и общественнымъ изгнаніемъ, какъ коварный врагъ мирныхъ отношеній. Наказаніе это равно грозитъ лжецу—сочинителю, какъ и лжецу защитнику. Не спасутъ отъ него ни сіятельныя краски, ярко изображающія не-

порочность мнимо оскорбленной невинности, ни поддальные вопли Іереміады, написанные по заказу, ни наемныя свидѣтельства разношерстныхъ псевдофиловъ, сроднившихся наманунъ. Есть въ душѣ человеческой, кромѣ общаго пути убѣжденій, особеннаго рода чутье истины, которое никогда не обманываетъ. Другая обязанность, которую можно назвать внешнею, литературною, засталяетъ двигателя гласности, какъ и всякаго писателя, наблюдать въ образѣ выраженій правила, утвержденныя приличіемъ: всякая брань, плоскость въ статьяхъ обличительныхъ служить въ высшей дурнаго тона и набрасываютъ на автора такъ подозрѣнія въ личностяхъ. Мы впрочемъ отнюдь не хотимъ утверждать, чтобы въ статьяхъ подобнаго рода не было ни какого жесткаго слова; напротивъ, бывають такіе случаи, гдѣ безъ нихъ не дѣзя обойтись: чувство нравственнаго негодованія иногда такъ сильно овладѣваетъ душой, что мысль невольно облѣкается въ жесткое платье, прикрываясь юморомъ или даже комизмомъ; мы изгоняемъ только плоскій образъ выраженій.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія о гласности, отношеніе ея къ обществу выразимъ мы въ краткихъ словахъ: для добрыхъ людей—она награда, для худыхъ—узда, для обиженныхъ—апелляція, для цѣлаго общества—правдивое зеркало.

Левъ Митрополскій.

Печатать дозволяется: Енисейскій Гражданскій Губернаторъ *Падалка*.

КРАСНОЯРСКЪ